

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЕ СЛОВА В ЛИНГВИСТИКЕ

Статья посвящена актуализации проблемы лингвистического взгляда на определение слова, его центральное место в системе языка. Акцентируется внимание на критериях делимитации исследуемой языковой единицы.

Ключевые слова: слово как лингвистическая единица, языковая система, критерии делимитации.

В XX в. феномен “слова”, “языка”, “речи” рассматривался в разноплановых аспектах: языкознание (Ф.И. Буслаев, В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Ф. де Соссюр, Л.В. Щерба), логика, поэтика, теория словесности, теория сценической речи, риторика.

Особенное внимание к слову и его значению обусловлено эволюцией лингвистики во второй половине XX в., которая обозначилась, по определению Ю.Д. Апресяна, “двумя важными прорывами – прорывом в макромир языка и прорывом в его микромир. Прорыв в микромир приобрел форму *словоцентризма или, точнее, лексемоцентризма*”.

Несмотря на многовековой опыт лингвистики, понятие “слово” принципиально неопределенное. Его же центральное место в системе языка предопределяется тем, что все другие единицы языка (фонемы, морфемы, предложения, словосочетания) в той или другой степени воспринимаются на фоне слова и связаны системными отношениями с последним.

Слово выступает в качестве основного строительного материала высказываний, с помощью которых реализуется общение между людьми. Оно является основной единицей наименования фактов действительности, а также восприятий, мыслей, чувств человека, вызванных этими фактами. Наименование, которое осуществляется в форме лексической (слово) или грамматической (все виды завершенных конструкций), являет собой не только процесс обозначения денотата, но, в то же время, процесс познания и коммуникации, являющийся сегодня особенно актуальным в лингвистической науке и языковом образовании.

Цель статьи – рассмотреть проблему лингвистического взгляда на определение слова, его центральное место в системе языка.

Двойственный характер слова заключается в том, что в сфере языка оно соотносится часто с предметом или явлением внеязыковой действительности, абстрагировано от единичных представлений о них, а в сфере общения слово может оказаться наименованием единичного предмета в конкретной ситуации. Кроме того, смысловая сторона слова содержит релятивные значения, которые указывают на отношение между предметами или явлениями внеязыковой действительности, а в системе языка – на отношения между словами. Обычно выражение понятий и релятивности имеет разную природу и связывается с разными параметрами слова: выражение понятия проектируется на лексическую основу слова, а выражение релятивности – на его грамматические формы [10].

Слово только при наложении его грамматического значения (или грамматических значений) на лексическое значение функционирует как полноценная единица информации. Хотя лексическое и грамматическое значения постоянно взаимодействуют, при лингвистическом анализе они рассматриваются как явления двух уровней – лексика и грамматики [7; 10].

В языкознании не существует определения слова, которое было бы применимо ко всем языкам, особенно к языкам с типологической точки зрения разных. Это объективные факторы, которые препятствуют общей квалификации слова. Но по большей части имеются субъективные факторы, которые связываются с неодинаковым пониманием данной языковой единицы лингвистами [9].

Типологически разные языки характеризуются разной структурой слов, и потому используемые некоторыми лингвистами определяющие для выделения слов критерии в одних языках становятся неприменимыми относительно других языков по причине разности в понимании использования слова носителями языка [9]. Для носителя языка символ в контексте разнообразного опыта выступает “настоятельной потребностью мыслительного акта”; “значения”, следовательно, более текучим, чем это осознаётся индивидом, и, как подтверждение тому и следствие, для иноязычного взрослого носителя языка слова как стимулы “никогда и близко не достигают той функциональной полноты и свободы, как для исконного носителя языка” [3; 9]. Подтверждение вышесказанного можем найти у Я. Фриза: *“Для нас слово есть сочетание звуков, действующее как стимул для вовлечения в сферу внимания того опыта, с которым оно связано употреблением”*.

Понятие слова, очевидно, нужно определять относительно конкретного языка или группы родственных языков. При этом следует считаться с двусторонней природой слова – его формой и содержанием [9]. Принимая во внимание двустороннюю сущность основной единицы языка, В.М. Жирмунский квалифицирует слово как наименьшую языковую единицу, самостоятельную по значению и форме [4].

Учитывая грамматическую структуру флективных языков, наиболее удачным кажется определение слова Ю.С. Масловым как минимальной единицы языка, которой присуща большая сравнительно с морфемой самостоятельность (автономность) [6]. Относительная самостоятельность слова, по мнению Ю.С. Маслова, имеет две степени: первая, более низкая, степень может быть условно названа “позиционной” самостоятельностью, вторая, более высокая – “синтаксическая” самостоятельность. Позиционная самостоятельность слова указывает на его широкое, более или менее свободное перемещение в предложении (в разных предложениях то же слово может занимать разные позиции). Из этого vyplывает, что слово – наименьшая дискретная (какой свойственно раздельное существование) единица языка [6; 10].

По мнению Ю.С. Маслова, позиционная самостоятельность более важна для общего определения слова. Понимание слова как единицы с по-

зиционной самостоятельностью (подвижностью в предложении, часто подкрепляемой, кроме того, линейной целостностью) признается многими учеными. Вторая, высшая степень самостоятельности – синтаксическая – состоит в способности слова выполнять функцию члена предложения или отдельного однословного предложения. Некоторые лингвисты в основу общего определения слова кладут именно критерий синтаксической самостоятельности, причем, обычно принимают во внимание не две разновидности его синтаксического функционирования, а одну, считая *словом минимальную единицу, способную при соответствующей ситуации выступать в роли отдельного предложения* [6; 10].

В подтверждение сказанного следует вернуться вновь к мысли, которой придерживался Л. Блумфильд, подчеркивая, что “формы, которые могут выступать как предложение, – это свободные формы... Свободная форма, которая не является словосочетанием, являет собой слово... Короче говоря, *слово – это минимальная свободная форма*” [1, с. 42].

В сопоставлении с предложением определял слово и Л.В. Щерба: “Мне кажется, что словом мы назовем часть предложения, которую мы можем, не изменяя значения, употребить самостоятельно” [13, с. 340]. Подобную квалификацию слова дает также Е.Д. Поливанов [5].

И.П. Сусов во “Введении в теоретическое языкознание” [10], указывая на преимущества языкознания XX в. (“отрабатывало свои точные, объективные методы исследования [*языковых единиц. – прим. К. А.*] сперва ... на фонологическом поприще, переноса потом основные исследовательские принципы в такие области, как морфология, лексикология, а также синтаксис” [10, с. 51]) и его недостатки (“лексический уровень либо вообще опускается в описании, либо он затрагивается в связи с проблемами семантики (как у Джона Лайонза), либо о его единицах речь идёт перед характеристикой фонологических единиц (как у А.А. Реформатского и Ю.С. Степанова) или же после характеристики фонологических единиц (как у Ю.С. Маслова)” [10, с. 51]), говорит о трудности однозначного установления линейной границы слова (вернее, лекса как его речевой реализации). Эти границы задаются системой соответствующего языка и определяются далеко неодинаково при использовании разных универсальных критериев.

Учёный выделяет некоторые из них [10, с. 52]. Так, критериями делимитации (разграничения) слов могут быть:

Графический (орфографический) признак

В этом случае говорится о графическом слове. Предполагается, что данное слово на письме отграничивается от предшествующего и последующего слов пробелами, но не содержит пробела внутри себя. Возражения:

1. Не все языки имеют письменность.
2. В ряде систем графики (например, в китайской) пробелы между иероглифами или группами иероглифов не используются.
3. Орфография во многих языках очень непоследовательна; ср., например, раздельное написание целостных слов: в открытую, во избежание.

Фонетические признаки

В этом случае говорится о фонетическом (или фонологическом) слове. Его границы и границы графического слова могут не совпадать. Назовём некоторые из фонетических признаков: наличие гортанной смычки в начале слов; наличие одной акцентной вершины в слове.

Морфологические признаки

Цельнооформленность слова (наличие единого показателя грамматической формы). На основе этого признака *иван-чай* признаётся одним словом (ср. *иван-чая*), а *диван-кровать* придётся рассматривать как сочетание двух слов (ср. *дивана-кровати*).

Синтаксические признаки

Способность слова (в отличие от морфемы) самостоятельно вступать в синтаксические связи; способность выступать в качестве минимума предложения; способность выступать в роли члена предложения; возможность вставить слово между двумя словами (и вытекающая отсюда непроницаемость слова, невозможность вставить внутрь него другое слово): *На лекцию пришли все. На эту лекцию пришли все.*

Семантический признак

Идиоматичность слова, что можно понимать трояко:

1. Идиоэтничность данного слова, принадлежность его именно данному языку и невозможность его точного, адекватного перевода на другие языки.
2. Немотивированность данного слова, невозможность установить его этимологическое значение.
3. Наличие целостного, “идиоматического” значения у слова, несводимость этого значения к сумме значений элементов, составляющих слово [10, с. 52–53].

Критерии делимитации, обозначенные учёным, свидетельствуют о разнообразных функциях слова (номинативной, перцептивной, сигнификативной и др.) с ведущей номинативной, которую В.Н. Телия определяет как “динамическое развёртывание в форме отношения наименования” [11, с. 106], непосредственно связанной с коммуникативной функцией.

Именно обозначенная функция является ведущей в разрабатываемой нами словоцентрической методике обучения языку в диаде “слово-слово”, предполагающей формирование у школьников языкового чутья к употреблению оттенков слова, уместному их употреблению в разных речевых контекстах, которое должно привести к осознанному использованию речевых средств в самостоятельном связном высказывании.

Следует заметить, что И.П. Сусов, описывая критерии разграничения слов, отмечает, что “ни один из рассмотренных здесь критериев сегментации речи на лексемные сегменты (лексемы) не обладает достаточной диагностирующей силой, не оказывается абсолютным. Относительной большей надёжностью в установлении границ между словами в речи обладает *признак позиционной подвижности*. Остальные же признаки скорее могут служить приблизительному определению того, сколько слов содержится в анализируемом речевом отрезке” [10, с. 54].

Классификация слов может осуществляться на основании множества разнообразных формальных и семантических признаков. Это различие слов ударных и безударных, односложных и многосложных, одноморфемных и многоморфемных, знаменательных и служебных, однозначных и многозначных, одноформенных (неизменяемых) и многоформенных (изменяемых), простых и производных и др. [10, с. 51].

Для лексической семантики существенна принадлежность слова к определённому синонимическому и антонимическому ряду, тематическому и лексико-семантическому полю и др. Для грамматики и вообще для лингвистического анализа особое значение имеет классификация по частям речи [10, с. 51].

Обозначенные выше критерии важны в рамках нашего исследования для создания методики словоцентрической деятельности в *диадах* “слово-словосочетание”, “слово-предложение”, “слово-текст”, *предполагающей формирование* навыков точного словоупотребления и словообразования в устной и письменной речи в соответствии с ситуациями и целями коммуникации; подбора слова/словосочетания в соответствии с коммуникативным намерением; владения лексико-смысловыми и лексико-тематическими ассоциациями; сочетания новых слов с ранее усвоенными, выполнения эквивалентной замены; раскрытия значения слов с помощью контекста; узнавания и понимания изученных слов и словосочетаний в речевом потоке, собственной речевой деятельности.

Н.В. Вышиваная [2] попыталась обобщить существующие определения слова, разделив их на две основные группы: значение как идеальная субстанция, соотносящаяся с воображением и понятием (Л.М. Васильев, А.И. Смирницкий, Д.Н. Шмелёв); значение как релятивная сущность: отношение между словом-знаком и понятием (Ф. де Соссюр); внеязыковая реакция на речевой стимул (Л. Блумфильд); отношение между языковыми единицами в понятийном поле (В. Порциг, Й. Трир); отношение между знаками в синтагматическом ряду (В.А. Звегинцев, Л. Ельмслев); совокупность отношений знака (Ю.Д. Апресян, И.А. Мельчук) [2].

Близок к приведённому выше обобщению в определении слова И.П. Сусов: “слово (лексема) как основная номинативная единица-инвариант языковой системы реализуется каждый раз в речи в одном из своих конкретных проявлений (лексов), а именно и как одна из словоформ, реализующих формообразовательные потенции данной лексемы, и как один из семантических вариантов данной лексемы (концептема). Слово есть одновременно и единица-тип, и единица-класс” [10, с. 24].

Сложность определения слова в его обозначенных в данном подразделе признаках заложена уже в том, что слово функционирует одновременно в нескольких пересечениях существования языка, и установление его границ должно учитывать данные пересечения. Пересечения, о которых здесь говорится, – это пересечения синтагматики и парадигматики слова, которые глубинно релевантны фундаментальному пересечению речи и языка [12].

Отсюда следует другое определение слова, его пределов и его значения, в основе которого ономаσιологические исследования Е.С. Кубряковой, В.И. Теркулова [8; 12] и других современных лингвистов. Очевидным является тот факт, что это направление не противостоит классическому языкознанию, а использует его наследство для разностороннего изучения слова, а концептуальный анализ, разработанный в его рамках и положенный в основу ономаσιологического исследования, является логическим продолжением семантического.

В отличие от слова, по мнению В.И. Теркулова, номинатема является целостной единицей, поскольку ее интегрирующий характер предполагает невозможность абсолютизации какого-либо из компонентов ее структуры как самостоятельной сущности. Не может быть “фонетической”, “морфологической” и другой номинатемы. Она представляет собой модель номинации, которая закономерно должна учитывать все ее параметры. С другой стороны, номинатема является и языковой универсалией, хотя бы потому, что она имеет статус не субстантного образования, а языковой модели, тактики номинации, которая, скорее всего, абсолютно тождественна для всех языков мира. Различие касается именно субстантных речевых модификаций (глосс), которые в разных языках, действительно, будут разными [12].

Трактовка номинатемы как потенциальной модели реализации значений интересна для содержания методики обучения языку на основе словоцентрического подхода в диаде “слово-речевая выразительность”, которая нацелена на формирование художественного восприятия, ведущего к обогащению речи учащегося, к образному воспроизведению жизненных явлений и фактов, употреблению точных языковых ассоциаций, сравнений, метафор и других художественных тропов в связной устной и письменной речи; способности мыслить словесно-художественными образами; привитие учащимся хорошего литературного вкуса, умения понимать и оценивать литературное произведение как искусство слова.

“Создано много определений слова, – отмечает М.В. Панов, – они разнообразны, но у всех есть одна общая особенность: эти определения требуют по самому существу своему небольшого дополнения в скобках: слово – это то, что называет (но иногда слово и не называет: *ах, за, бы*); слово – это то, что передает понятие (а иногда и не передает: это *Сидор Павлович*); слово – то, что легко выделяется в предложении (иногда не очень, о чем говорят частые ошибки малограмотных: *ау него изавтра времени то может быть не найдется*); слово – то, что имеет определенные фонетические признаки (увы, иногда их и нет) и др. Все определения, очевидно, улавливают только отдельные, причем обычно даже не самые существенные стороны слова”.

Выводы. Определение слова, данное М.В. Пановым, свидетельствует о трудности в вычленении и обозначении данного языкового явления. Многоплановость и полифонизм трактовки феномена слова является определяющим для нашего исследования, так как именно словоцентрическая деятельность на уроке может помочь и ученику, и учителю улавливать то

“неуловимое” и “призрачное”, что требует “небольшого дополнения в скобках”, за которым должна стоять системная работа над словом.

Обозначенные признаки слова отражают его сущность как центральной единицы языка и являются лингвистической основой определения слова в качестве главной дидактической единицы для обоснования методики обучения русскому языку на основе словоцентрического подхода.

Список использованной литературы

1. Блумфилд Л. Язык / Леонард Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 607 с.
2. Вишивана Н.В. Лексичне значення: основні концепції та проблема дефініції / Н.В. Вишивана // Типологія мовних значень у діяхронічному та зіставному аспектах : зб. наук. пр. / ред. кол. В.Д. Каліущенко та ін. – Донецьк : ДонНУ, 2005. – Вип. 12. – С. 123–129.
3. Гез Н.И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе : учеб. пособ. для студ. пединститутов по специальности № 2103 “Иностранный язык” / Н.И. Гез. – М. : Высш. шк., 1982. – 373 с.
4. Жирмунский В.М. Общее и германское языкознание / Виктор Максимович Жирмунский. – Л. : Наука, 1976. – 695 с.
5. Иванов Вяч.Вс. Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова / Вяч.Вс. Иванов // Вопросы языкознания. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. – № 3. – С. 55–76.
6. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / Юрий Сергеевич Маслов. – М. : Языки славянской культуры, 2004.
7. Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики / В.Б. Касевич. – М. : Наука : ГРВЛ, 1977. – 183 с.
8. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е.С. Кубрякова / отв. ред. Б.А. Серебренников ; АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1986. – 158 с.
9. Новое в зарубежной лингвистике / сост. В.П. Нерознака ; общ. ред. и вступ. ст. В.Г. Гака. – М. : Прогресс, 1989. – Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы. – 440 с.
10. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание / Иван Павлович Сусов // История языкознания : учеб. пособ. для студ. старших курсов и аспирантов. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1999. – 144 с.
11. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / Вероника Николаевна Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.
12. Теркулов В.И. Номинатема: опыт определения и описания / В. И. Теркулов / науч. ред. М.В. Пименова. – Горловка : ГГПИИЯ, 2010. – 306 с. – (Серия “Знак – Сознание – Знание”). – Вып. 1.
13. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Лев Владимирович Щерба. – Л. : Наука, 1974. – 428 с.

Курінна А.Ф. До питання визначення слова в лінгвістиці

Статтю присвячено актуалізації проблеми лінгвістичного погляду на визначення слова, його центральне місце в системі мови. Акцентовано на критеріях делімітації досліджуваної мовної одиниці.

Ключові слова: слово як лінгвістична одиниця, мовна система, критерії делімітації.

Kurinna A. To question determination of word is in linguistics

The article is devoted actualizations of problem of linguistic look to determination of word, his central place in the system of language. Attention is accented on the criteria of delimitation of the investigated language unit.

Key words: word as linguistic unit, language system, criteria of delimitation.